

Научная статья

УДК 325.5

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-27-40

НАРРАТИВЫ И МЕХАНИЗМЫ ИНСТИТУАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ РОССИИ»

Атаев А. В.^{1,2}, Фролов Е. Р.^{1,3*}

¹ Институт «Царьград»

г. Москва, Российская Федерация

² Московский государственный институт культуры

г. Москва, Российская Федерация

³ Российская академия народного хозяйства и государственной службы

при президенте Российской Федерации

г. Москва, Российская Федерация

* Копируемый автор, e-mail: er.frolov@tsargrad.institute

Поступила в редакцию 14.02.2026

После доработки 26.02.2026

Принята к публикации 02.03.2026

Аннотация

Цель. Выявить и описать нарративную структуру и технологические механизмы, посредством которых региональная социально-экономическая проблематика «переупаковывается» в деструктивные идеологические конструкции деколонизационного типа, а также показать, каким образом эти конструкции институционализируются через проектно-сетевые формы и закрепляются в информационной среде; на основе полученных результатов сформулировать комплекс прикладных мер противодействия, ориентированных на нейтрализацию ключевых нарративов, снижение уязвимости целевых аудиторий и выстраивание проактивной контрнарративной стратегии.

Процедура и методы. Исследование выполнено в логике качественного дискурсивно-нарративного анализа с опорой на подходы стратегических коммуникаций и анализа информационно-психологического воздействия.

Результаты. В результате исследования установлено, что деколонизационный дискурс представляет собой целостную нарративную конструкцию, в рамках которой исторические, социально-экономические и политические аргументы объединяются в единую схему делегитимации российской государственности. Показано, что ключевым механизмом выступает «переупаковка» региональных дисбалансов развития через селективную фактизацию, эмоционализацию и перевод управленческих проблем в идентичностный конфликт с последующим цифровым масштабированием и квазиисследовательским закреплением интерпретаций. Выявлена воспроизводимость данной технологии на различных региональных кейсах и её институционализация в проектно-сетевых формах, обеспечивающих устойчивое воспроизводство повестки. Тем самым подтверждается, что деколонизационная рамка функционирует не как частная позиция, а как инструмент деструктивных стратегических коммуникаций, направленных против России.

Теоретическая и/или практическая значимость исследования заключается в комплексном осмыслении дискурса «деколонизации России» как инструмента информационно-когнитивной войны. В работе уточняется механизм политизации постколониальных понятий, показывается, каким образом они трансформируются в средства дискурсивной делегитимации государственности и подрыва общегражданской идентичности, а также дополняется теория гибридных конфликтов за счёт анализа когнитивного и нарративного измерений. Полученные выводы могут быть использованы в аналитической и экспертной деятельности органов государственной власти при разработке стратегий противодействия деструктивным информационным воздействиям в системе мониторинга медиасреды, а также в образовательных и методических материалах по вопросам информационной безопасности, национальной политики и стратегических коммуникаций.

Ключевые слова: деструктивные идеологии, деколонизационный дискурс, сепаратизм, этно-сепаратизм, социально-экономические дисбалансы, информационно-психологическое воздействие, деколонизация

Для цитирования:

Атаев А. В., Фролов Е. Р. Нарративы и механизмы институализации проекта «деколонизация России» // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2026. № 1. С. 27–40.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-27-40

Original research article

NARRATIVES AND MECHANISMS OF INSTITUTIONALIZATION OF THE “DECOLONIZATION OF RUSSIA” PROJECT

A. Ataev¹, E. Frolov^{2*}

¹ *Tsargrad Institute*

Moscow, Russian Federation

² *Moscow State Institute of Culture*

Moscow, Russian Federation

³ *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*

Moscow, Russian Federation

* *Corresponding author, e-mail: er.frolov@tsargrad.institute*

Received 14.02.2026

Revised 26.02.2026

Accepted 02.03.2026

Abstract

Aim. To identify and describe the narrative structure and technological mechanisms through which regional socio-economic issues are «repackaged» into destructive ideological constructions of the decolonization type, as well as to show how these constructions are institutionalized through project-based network forms and fixed in the information environment.; Based on the results obtained, formulate a set of applied counteraction measures aimed at neutralizing key narratives, reducing the vulnerability of target audiences and building a proactive counter-narrative strategy.

Methodology. The research is carried out in the logic of qualitative discursive-narrative analysis based on the approaches of strategic communications and analysis of information and psychological impact.

Research implication. As a result of the research, it is established that the decolonization discourse is an integral narrative structure in which historical, socio-economic and political arguments are combined into a single scheme of delegitimization of Russian statehood. It is shown that the key mechanism is the «repackaging» of regional development imbalances through selective factionalization, emotionalization, and the transfer of managerial problems into identity conflict, followed by digital scaling and quasi-exploratory consolidation of interpretations. The reproducibility of this technology in various regional cases and its institutionalization in project-based network forms ensuring sustainable reproduction of the agenda are revealed. This confirms that the decolonization framework does not function as a private position, but as an instrument of destructive strategic communications directed against Russia.

Research implications of the study lies in a comprehensive understanding of the discourse of the “decolonization of Russia” as an instrument of information and cognitive warfare. The paper clarifies the mechanisms through which postcolonial concepts are politicized, demonstrating how they are transformed into tools of discursive delegitimization of statehood and the erosion of a shared civic identity, and contributes to the theory of hybrid conflicts by incorporating an analysis of cognitive and narrative dimensions. The findings can be applied in the analytical and expert activities of public authorities, in the development of strategies to counter destructive information influences, in media environment monitoring systems, as well as in educational and methodological materials on information security, national policy, and strategic communications.

Keywords: destructive ideologies, decolonization discourse, separatism, ethnoseparatism, socio-economic imbalances, informational and psychological impact, decolonization

For citation:

Ataev, A. V. & Frolov, E. R. (2026). Narratives and mechanisms of institutionalization of the “decolonization of Russia” project. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 1, 27–40.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-27-40

Введение

В условиях углубляющегося гибридного противостояния и усиления внешнего идеологического давления на Российскую Федерацию возрастает значение информационно-коммуникационных практик, формирующих деструктивную интерпретацию социальной реальности. Одним из наиболее устойчивых направлений такого воздействия становится использование региональной социально-экономической проблематики в целях делегитимации российской государственности, размывания общегражданской идентичности и подрыва представлений о территориальной целостности¹.

¹ В первую очередь, речь идёт о Республике Саха (Якутия), где социально-экономическая проблематика ресурсной ренты и удалённости регулярно включается в деколонизационную рамку; Республике Башкортостан, где экологические, языковые

Характерным примером является идеология так называемой деколонизации России, функционирующая как интерпретационная рамка, в которой региональные трудности объясняются через тезис о «колониальной эксплуата-

и правоприменительные конфликты интерпретируются через призму «угнетения региона»; Республике Алтай, где вопросы местного самоуправления и земельной политики становились объектом политизированной переинтерпретации; Республике Татарстан, традиционно фигурирующей в дискуссиях о федерализме и договорных отношениях; республиках Северного Кавказа (Чеченская Республика, Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика), где историческая проблематика и социальные дисбалансы используются в идентичностной мобилизации; Республике Бурятия и Республике Карелия, которые нередко включаются в проекты «построссийского пространства»; а также в отдельных случаях в отношении Калининградской области и Дальневосточных субъектов Федерации, где акцент делается на территориальной удалённости и экономической специфике.

ции центра» и предъявляются как основание для политического размежевания. В условиях углубляющегося гибридного противостояния и усиления внешнего идеологического давления на РФ возрастает значение информационно-коммуникационных практик, формирующих деструктивную интерпретацию социальной реальности. Одним из наиболее устойчивых направлений такого воздействия становится использование региональной социально-экономической проблематики в целях делегитимации российской государственности, размытия общегражданской идентичности и подрыва представлений о территориальной целостности. В этом контексте показательно заявление президента России В. Путина, подчеркнувшего: «Теперь всё чаще и чаще ведут дело о некой “деколонизации России”, а по сути – расчленении Российской Федерации и нанесении нам всё того же пресловутого стратегического поражения. Несмотря на то, что у них ничего не получалось в течение не только десятилетий, а столетий, можно сказать, тем не менее это всё продолжается»¹.

Тезис о «колониальной эксплуатации центра» в отношении России не возник спонтанно в последние годы, а является результатом поэтапного переноса постколониального понятийного аппарата на российское историко-политическое пространство. Его интеллектуальные истоки связаны с развитием западных постколониальных исследований второй половины XX в. (Э. Саид, Г. Спивак, Х. Бхабха), где категория «метрополия – колония» использовалась для анализа империй. В 1990–2000-е гг. в академической среде появилась концепция «внутренней колонизации» (в частности, в работах А. Эткинды), допускавшая возможность применения колониального языка к континентальным империям [1]. Именно этот

теоретический мост стал основой для последующей политизации категории в отношении России.

В отличие от критики конкретных управленческих решений или обсуждения структурных проблем развития, деколонизационный дискурс формирует нормативно-оценочную модель: описание социально-экономических трудностей превращается в «доказательство» нелегитимности государства, а предлагаемым «решением» становится не институциональная модернизация и развитие, а демонтаж политико-административного единства. Подобная логика особенно эффективна в условиях фрагментированного медиапотребления, когда простые причинно-следственные схемы быстрее закрепляются в массовом сознании, чем комплексные объяснения.

Показательно, что данная рамка всё чаще получает внешнюю институциональную поддержку в публичных высказываниях и документах, где «деколонизация» увязывается с вопросами демократизации и международной безопасности. Это придаёт дискурсу характер не частного публицистического высказывания, а инструмента стратегических коммуникаций, рассчитанного на формирование устойчивых установок и на экспорт интерпретаций во внешнюю аудиторию. Одновременно в российских документах стратегического планирования и публичных оценках компетентных органов подчёркивается рост угроз информационно-психологического воздействия, ориентированного на дестабилизацию, подрыв суверенитета и использование этнического фактора в цифровой среде. В этой связке региональная проблематика оканчивается зоной повышенной уязвимости: именно здесь соприкасаются социальный запрос, эмоциональные ожидания справедливости и возможности сетевого масштабирования конфликтных трактовок.

Эмпирическим подтверждением распространённости деколонизационного нарратива служат данные профильных

¹ За рубежом всё чаще говорят о деколонизации России, – заявил Путин // РИА Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20251105/putin-2053061518.html> (дата обращения: 11.02.2026).

государственных органов. Согласно публичной информации, озвученной руководством Федерального агентства по делам национальностей по итогам мониторинга за 2025 г. наиболее частой негативной темой в информационном пространстве стал именно «нарратив деколонизации России», который оппоненты власти целенаправленно внедряли в повестку отдельных республик. Наибольший рост подобных сюжетов был зафиксирован в Республике Башкортостан (на 49%), Чувашской Республике (на 20%), Республике Ингушетия (на 8%), Республике Крым (на 7%) и Республике Саха (Якутия) (на 4%). Снижение активности недоброжелательных интерпретаций отмечено лишь в Республике Дагестан (на 19%) и Чеченской Республике (на 10%). Данные показатели демонстрируют, что деколонизационная рамка не носит абстрактного характера, а используется адресно – с учётом региональной специфики, чувствительных тем и существующих социально-экономических дисбалансов, что подтверждает её инструментальный и технологический характер¹.

В силу этого особого внимания требует не столько перечень самих дисбалансов развития, сколько механика их превращения в элементы деструктивных нарративов. Наиболее типичным становится технологический набор, включающий селективный отбор фактов и индикаторов, эмоционализацию через риторику «обиды» и «ущемления», перевод социально-экономического запроса в идентичностный конфликт, сетевое масштабирование через социальные сети и мессенджеры, а также последующее «закрепление» интерпретаций в квазиисследовательских продуктах (карты, доклады, таблицы, псевдостатистика), по-

вышающих видимость объективности. Указанные практики воспроизводимы в различных типах регионов и на разных сюжетах: от инфраструктурных проблем и вопросов местного самоуправления до экологических и правоприменительных конфликтов, что позволяет рассматривать их как устойчивую технологию идеологической инструментализации.

Генезис и институционализация деколонизационной повестки

В современной зарубежной академической и публицистической среде заметна тенденция интерпретировать историческое развитие России через категориальный аппарат постколониальной теории, исходно сформированный для описания опыта европейских империй Нового времени [2]. В рамках такого переноса российское государственное строительство и территориальная интеграция трактуются по модели бинарной оппозиции «метрополия – колония», где «центр» выступает субъектом эксплуатации, а регионы – объектом подчинения и извлечения ресурсов. При этом специфика российской исторической динамики (континентальный характер расширения, многообразие правовых режимов включения территорий, сочетание военных, административных и культурных механизмов интеграции) либо редуцируется, либо подгоняется под заранее заданную схему, в которой любые формы вертикальной координации автоматически описываются как колониальные [3].

Особое место в этом наборе интерпретаций занимает трактовка освоения Сибири и Дальнего Востока как «колониальной экспансии по западному образцу»². В ряде работ и медийных материалов эти процессы описываются как аналог европейской колонизации с акцентом на ресурсное освоение и подчинение коренных групп. В результате исторически

¹ Состоялось заседание Комитета Государственной Думы по делам национальностей // Федеральное агентство по делам национальностей: [сайт]. URL: <https://fadn.gov.ru/press-centr/news/sostoyalos-zasedanie-komiteta-gosudarstvennoj-dumyi-po-delam-nazzionalnostej> (дата обращения: 11.02.2026).

² «Деколонизация»: кто и как продвигает и готовит распад России? [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3T2Ma5> (дата обращения: 11.02.2026).

сложная картина многоуровневой интеграции упрощается до морально нагруженного нарратива «завоевание – угнетение – эксплуатация», удобного для современного политико-коммуникационного использования¹.

Важным инструментом такого переноса выступает концепция так называемой «внутренней колонизации», позволяющая распространить колониальный язык не только на периферийные территории, но и на всю систему отношений «центр – регионы» внутри единого государства [4]. В этой оптике региональные различия в уровне развития, бюджетной обеспеченности или инфраструктурной доступности трактуются не как результат географии, демографии, структуры расселения, особенностей транспортной сети и экономики, а как проявление системной эксплуатации: «метрополия» якобы сознательно извлекает ренту и удерживает периферию в зависимом положении. Тем самым социально-экономические дисбалансы получают не управленческое, а нормативно-политическое объяснение: они превращаются в «доказательство» колониального статуса и аргумент в пользу необходимости радикального политического разрыва.

На уровне дискурсивных механизмов это сопровождается переопределением ключевых понятий. Федерализм описывается не как институциональная форма сложного государства, а как «декорация», скрывающая колониальную сущность; вертикальные механизмы управления и перераспределения – как инструменты «рентоизъятия»; русская идентичность – как «навязанная имперская» конструкция. В результате формируется тезис о том, что российская государственность по своей природе является имперской и потому якобы принципиально неспо-

собной к подлинному федерализму [5]. В этой логике любые реформы и модернизационные меры объявляются косметическими, а единственным «рациональным» выходом – демонтаж государства в его нынешних границах.

Существенно, что подобная схема не ограничивается академической дискуссией: она активно переходит в публицистику и политико-экспертные форматы, где начинает функционировать как универсальный объяснительный шаблон для интерпретации самых разных проблем: от качества местного управления и экологии до инфраструктурных дефицитов и миграционных процессов. Через такой шаблон региональные трудности связываются в единый причинный ряд, где «центр» выступает постоянным источником проблем, а региональная субъектность отождествляется с политическим отделением.

Нарративная структура и проектные формы

После 2022 г. деколонизационная рамка в отношении России заметно смещается от преимущественно идеологической и публицистической риторики к формату политико-экспертного инструмента, встроенного в обсуждение международной безопасности и стратегического планирования. Если ранее колониальная оптика применялась главным образом для критики исторического прошлого и политического устройства России, то в пост-2022 период она всё чаще используется как язык описания «желательного будущего» и как технология легитимации сценариев трансформации российского пространства².

В результате дискурс приобретает характер проектного: он не столько интерпретирует события, сколько предлагает рамку для сценарирования и формиро-

¹ Борьба против России пришла из 1990-х: вскрыто гнездо опасных деколонизаторов // Царьград: [сайт]. URL: https://tsargrad.tv/news/udar-po-rossii-prishjol-iz-90-h-vskryto-gnezdo-opasnyh-dekolonizatorov_1191996 (дата обращения: 11.02.2026).

² «Деколонизация»: кто и как продвигает и готовит распад России? [Электронный ресурс]. URL: <https://eissr.ru/upload/iblock/9f0/9f0bfc9192b938bdccad72427118fdcf.pdf> (дата обращения: 11.02.2026).

вания политических ожиданий внешней аудитории. Одним из ключевых проявлений этой эволюции становится распространение концепта «построссийского пространства» (post-Russia), в котором фрагментация России представляется не как риск, а как потенциальный способ «снижения геополитических угроз» и «управления нестабильностью». В рамках данной логики территориальная целостность России переописывается как источник международных рисков, а её возможное дробление – как условие будущей «демократизации», «девестернизации угроз», «демилитаризации» и создания «более предсказуемых» политических субъектов [6].

На уровне содержательных конструкций в дискурсе закрепляются несколько типовых сценарных моделей. Во-первых, моделирование «новых государственных образований» (национальных республик, региональных государств, «конфедераций»), где границы и субъектность будущих единиц обосновываются через этнокультурные и ресурсно-экономические аргументы. Во-вторых, появление картографических и псевдостатистических материалов – «карты будущих государств», «рейтинги колониальной эксплуатации», «таблицы ренты», которые создают видимость объективности и переводят идеологическую конструкцию в режим квазинаучного знания. В-третьих, усиление мотивов «управляемого демонтажа» и «контролируемого транзита»: фрагментация описывается как процесс, который возможно организовать и направлять через внешнее сопровождение, санкционные режимы, международные гарантии и поддержку «демократических сил» в эмиграции.

Отдельным этапом эволюции выступает институционализация дискурса – его закрепление в форматах, типичных для политико-экспертных коммуникаций. Речь идёт о проведении слушаний и брифингов на площадках, связанных с

внешнеполитическим и правозащитным контуром, о профильных экспертных форумах и конференциях, а также о создании сетевых платформ, объединяющих радикальные эмигрантские структуры [7]. Эти платформы выполняют двойную функцию: с одной стороны, они обеспечивают постоянный канал взаимодействия с международными институтами и парламентскими структурами, с другой – формируют кадровую и коммуникационную инфраструктуру для тиражирования деколонизационных интерпретаций и подготовки к возможным политическим турбуленциям. Важна и логика «разделения ролей» внутри таких сетей: одни акторы производят «экспертные» документы и правозащитные кейсы, другие – медиаповестку и кампании давления, третьи – символическую и идентичностную мобилизацию в адрес целевых региональных аудиторий.

Технологически институционализация ведёт к стандартизации повестки: формируются повторяемые формулы, которые закрепляют идею о необходимости «деколонизации» как нормативную установку.

В контексте задач настоящего исследования данный сдвиг имеет принципиальное значение. Он показывает, что деколонизационная рамка после 2022 г. функционирует не только как идеологема, но и как инструмент стратегических коммуникаций, связывающий (а) внешнюю нормативную легитимацию, (б) проектирование сценариев «пост-пространства», (в) сетевое и цифровое масштабирование и (г) распространение на региональные социально-экономические сюжеты. Именно такая связка обеспечивает превращение реальных региональных дисбалансов в «сырьё» для деструктивной мобилизации: социальная проблематика получает внешне поддерживаемый интерпретационный шаблон, который затем закрепляется в медиасреде и квазиисследовательских форматах.

Нарративная структура и проектные формы

В этой связи особую опасность приобретают нарративы, используемые в деструктивных целях. К примеру, исторический нарратив «Россия – тюрьма народов» представляет устойчивую идеологическую конструкцию, выполняющую функцию моральной делегитимации российской государственности. Его ключевая особенность заключается в ретроспективной унификации разнородных исторических эпизодов в единую причинно-следственную схему: прошлое интерпретируется как непрерывная линия «завоеваний, подавления и репрессий», а современность – как прямое продолжение «колониальной политики». В результате историческая сложность заменяется упрощённой моральной моделью, где государство устойчиво закрепляется в роли «угнетателя», а региональные и этнокультурные сообщества – в роли «жертвы».

Технологически данный нарратив опирается на выборочную интерпретацию и контекстуальную редукцию:

- из исторического массива выделяются преимущественно травматические эпизоды (репрессии, депортации, конфликты, насильственные меры);

- при этом исключаются компенсирующие контексты (различие периодов и политического контекста, правовые и институциональные изменения, реабилитационные решения, динамика социально-экономической модернизации, участие представителей народов в управлении и развитии страны).

Особое место занимают депортации советского периода, которые в идеологической рамке подаются не как конкретный феномен определённого исторического контекста и политической практики, а как универсальное подтверждение «неизменной политики подавления» [6]. Здесь задействуется приём «обобщения по принципу сущности»: единичный (хотя и масштабный) исторический факт превращается в атрибут «природы госу-

дарства». Далее этот атрибут переносится на современную Российскую Федерацию, что создаёт эффект исторической непрерывности угнетения и позволяет радикализировать сегодняшнюю повестку.

Аналогичный механизм применяется к трактовке Кавказской войны и ряда конфликтов XIX в., которые описываются исключительно как «колониальные войны» [8]. В таком описании политические, геостратегические и внутренние факторы эпохи подменяются односторонней моральной рамкой [9]. Более того, разнородные практики интеграции (административные, договорные, социальные, культурные) игнорируются или рассматриваются как формы «колониального управления», что позволяет использовать историю как источник «символического обвинения» и оправдания требований политического размежевания.

Важный компонент нарратива – актуализация исторической схемы через текущие события. Локальные межэтнические конфликты, бытовые инциденты, спорные правоприменительные решения, кадровые ошибки или кризисные ситуации в регионах включаются в заранее заданную рамку «системного угнетения». Происходит перевод частного и ситуативного в «структурное»: событие становится «очередным доказательством» исторической формулы. Этот приём создаёт самоподтверждающуюся логику: любое напряжение интерпретируется как проявление исторически неизменной имперской природы государства. В данном случае контекст империи используется исключительно в негативном ключе.

Данный нарратив выполняет 3 задачи:

1. формирует моральное основание для делегитимации государственности («государство не имеет права на существование в нынешнем виде»);

2. обеспечивает эмоциональную мобилизацию через культивацию травмы, обиды и чувства коллективного унижения;

3. создаёт идеологический мост от прошлого к требованию политического

отделения как «восстановления справедливости».

В данной парадигме особенно важно акцентируется внимание на экономический нарратив «эксплуатации регионов». Он является базовым инструментом деколонизационного дискурса. Его центральная логика строится на утверждении, что различия в уровне развития субъектов Федерации являются не следствием объективных факторов (география, структура экономики, транспортная связанность, плотность населения, демография, исторические траектории индустриализации), а результатом целенаправленной политики центра, якобы выстроенной на «изъятии ресурсов» и поддержании зависимости регионов.

Характерная технологическая особенность данного нарратива – его адаптивность к противоположным типам регионов:

- в богатых ресурсных или индустриальных субъектах продвигается модель «регион-донор», который «кормит центр», но лишён возможности распоряжаться собственными доходами;

- в дотационных территориях – модель «искусственного удержания в бедности», где зависимость от трансфертов трактуется как механизм контроля и подавления субъектности.

Обе версии противоречат друг другу по содержанию, но совпадают по функции: они формируют устойчивую установку, что внутри действующей системы справедливость недостижима, а значит, требуется радикальный политический разрыв.

Особый сегмент нарратива связан с нефтегазовыми и ресурсодобывающими регионами. Здесь используется риторика «колониальной ренты»: природные ресурсы интерпретируются как «собственность региона», а бюджетные механизмы – как «изъятие» и «перекачка». В пропагандистской версии умышленно смешиваются разные уровни экономических отношений (налогообложение,

федеральные стандарты, межбюджетное выравнивание, инфраструктурные инвестиции, участие госкомпаний), а затем создаётся упрощённая моральная схема: «центр забирает – регион страдает». При этом игнорируются распределительные функции федерации, инфраструктурные эффекты единого пространства, а также обратные потоки инвестиций и социальных обязательств [10].

Отдельный элемент – интерпретация федеральных инфраструктурных проектов. В нормальной управленческой логике они представляют инструменты интеграции (снижение транспортных издержек, развитие связанности, расширение рынков труда и услуг). Однако в деколонизационной рамке такие проекты подаются как механизмы контроля: транспортные коридоры – как «инструменты вывоза ресурсов», цифровые инфраструктуры – как «надзор», энергетические и промышленные цепочки – как «зависимость». Это позволяет радикализировать даже позитивные по эффекту инициативы: они превращаются не в решение проблем, а в «доказательство эксплуатации».

Технологически экономический нарратив строится на наборе повторяемых приёмов:

- селективная фактизация – выбор отдельных показателей (низкие зарплаты, стоимость жизни, аварии, износ инфраструктуры) без учёта динамики и контекстов;

- моральная драматизация – перевод экономической темы в язык «несправедливости» и «ограбления»;

- персонализация виновника – «Москва/центр» как единый субъект ответственности;

- подмена управленческого вывода политическим – вместо корректировки политики предлагается «суверенитет» или отделение;

- квазиисследовательская фиксация – доклады, карты, таблицы «выкачки», псевдорасчёты «сколько регион недополучил», создающие видимость доказательности.

Функционально экономический нарратив выполняет 2 ключевые задачи. Во-первых, он формирует психологию безысходности («внутри системы ничего не изменить»), снижая готовность к конструктивным формам участия и институциональным механизмам решения проблем. Во-вторых, он создаёт «рациональную» оболочку для радикальных требований: политическое отделение преподносится не как экстремизм, а как «экономически неизбежный» шаг.

Следующий ключевой нарратив можно назвать «политическим». Политический нарратив «распад как путь к демократии» является одной из ключевых нормативных надстроек деколонизационного дискурса. Его базовая установка сводится к утверждению, что демократическое развитие в принципе невозможно в рамках крупного и/или централизованного государства, а потому разделение на более мелкие политические образования рассматривается как необходимое (и зачастую единственно возможное) условие либерализации, правового государства и «нормализации» отношений с внешним миром [4].

Технологически данный нарратив строится на подмене критерия демократизации: вместо анализа институтов, процедур, политической конкуренции, качества управления и правового режима, «демократия» сводится к параметру территориальной формы. В результате, как подчёркивает кандидат политических наук Н. Э. Демешко, формируется псевдологика, согласно которой крупное и «имперское» государство априори рассматривается как авторитарное, тогда как его дробление объявляется предпосылкой демократизации [11]. Подобная схема переводит дискуссию из сферы институциональных реформ в плоскость геополитического проектирования, где фрагментация страны преподносится как «рациональная технология» трансформации политического режима и одновременно как способ снижения международных

рисков. При этом, по оценке исследователя, «западные проекты практической политики, направленные на формирование национальных противоречий в России, реализуются прежде всего через проведение мероприятий, принятие деклараций об «освобождении» народов России от «колониальной» зависимости и популяризацию информации о необходимости «деколонизации» через СМИ», что свидетельствует о целенаправленном институциональном и медиакоммуникационном сопровождении подобной интерпретационной рамки [12].

В дискурсивной аргументации часто используются исторические аналогии – прежде всего распад СССР и Югославии, реже – распад колониальных государств в XX в. При этом характерен приём селективного сравнения: в качестве доказательной базы выбираются отдельные случаи постфактум демократизации в части новых государств, тогда как системные последствия распада (вооружённые конфликты, этнические чистки, длительные кризисы легитимности, экономическая нестабильность, миграционные шоки) либо маргинализируются, либо объявляются «издержками перехода». В результате аналогия превращается в нормативный аргумент, а не в предмет анализа [8].

На уровне политической психологии данный нарратив формирует ложную дилемму: «либо централизованное государство, либо свобода через фрагментацию». В этой конструкции устраняется промежуточное пространство решений – модернизация федеративных механизмов, повышение эффективности управления, институциональная конкуренция, развитие региональных программ и каналов представительства. Сама возможность эволюционных изменений внутри единого государства описывается как иллюзия, тогда как распад подаётся как «единственная реалистичная стратегия». Именно здесь нарратив сопрягается с описанным в статье эффектом «безысходности»: аудитории предлагается вы-

вод, что социально-экономические проблемы и политические ограничения невозможно решить иначе, кроме как через разрыв с общегосударственной системой.

Важная особенность современной версии нарратива после 2022 г. – его встраивание в язык международной политики: фрагментация России описывается как способ «снижения геополитических рисков» и создания «более управляемых» субъектов. Тем самым распад перестаёт быть лишь внутренним политическим лозунгом и становится элементом внешней стратегической коммуникации. Показательна институциональная фиксация подобной рамки в международных коммуникациях, где «деколонизация России» представляется как условие демократизации и стабильности. Например, резолюция ПАСЕ, принятая в 2024 г., прямо увязывает «*decolonisation of the Russian Federation*» с «демократическими» перспективами страны [13].

Комплексные меры противодействия проектам по деколонизации

Системное противодействие деколонизационной повестке требует перехода от реактивной модели к проактивной стратегии, ориентированной прежде всего на работу с нарративами как ключевыми единицами идеологического воздействия. Речь должна идти не только о пресечении отдельных информационных проявлений и блокировании конкретных материалов, но о нейтрализации интерпретационных схем, через которые социально-экономические и управленческие проблемы регионов «переупаковываются» в доказательства «колониального статуса» и основания для политического размежевания. В центре внимания находятся механизмы закрепления смыслов: устойчивые формулы причинности («центр эксплуатирует – регион страдает – отделение решает»), эмоциональные матрицы («ущемление», «обида», «историческая травма») и псевдодоказательные конструкции (карты, доклады, «рей-

тинги эксплуатации»), формирующие видимость объективности.

Проактивная стратегия в этой логике предполагает, во-первых, выстраивание системы раннего обнаружения нарративных кампаний. Мониторинг должен фиксировать не только «темы» и «упоминания», но и повторяющиеся смысловые связки: какие показатели выбираются для селективной фактизации, какие эпизоды используются для эмоционализации, как социальные вопросы переводятся в идентичностный конфликт, какие квазиисследовательские продукты создаются для легитимации. Такое нарративное картирование позволяет выявлять кампании на этапе формирования интерпретационной рамки – до того, как она станет привычной «очевидностью» для аудитории.

Во-вторых, необходима контрнарративная работа, которая должна строиться не по принципу «опровержения в лоб», а как конкуренция интерпретаций с предоставлением более убедительных причинно-следственных моделей. Это означает:

- разъяснение многопричинности региональных дисбалансов (география, структура экономики, логистика, демография, институциональные ограничения);

- демонстрацию управленческих инструментов и динамики решений;

- перевод дискуссии из моральной схемы «угнетатель – жертва» в плоскость конкретных программ развития и ответственности.

Контрнарратив должен разрушать ложную дилемму «либо империя, либо свобода через распад», возвращая в повестку пространство эволюционных и институциональных решений.

В-третьих, ключевым условием устойчивости является вытеснение деколонизационных мифологем из квазинаучной оболочки. Поскольку значительная часть нарративного давления закрепляется через псевдоэкспертные форматы (доклады, карты, таблицы «ренты», «индексы угнетения»), требуется регулярное про-

изводство альтернативного доказательного контента: верифицируемых данных, прозрачных методик, понятных визуализаций, публичных аналитических записок и региональных справок. Это снижает эффект «псевдообъективности» и лишает деструктивные конструкции статуса «научного знания».

В-четвёртых, работа с нарративами неизбежно включает образовательный и культурно-коммуникационный контур. Целевая аудитория деколонизационных проектов часто вовлекается через эмоциональные и идентичностные триггеры; следовательно, устойчивость формируется через развитие медиаграмотности, навыков критической оценки источников, понимания механизмов манипуляции и умения распознавать подмену социального запроса политической радикализацией. На практике это означает внедрение модулей по анализу информационно-психологического воздействия, истории и политике идентичности, а также обучение региональных лидеров

мнений и работников социальной сферы базовым инструментам нарративной профилактики.

Наконец, контрнарративная стратегия должна быть институционально обеспечена. Необходима координация между экспертным сообществом, органами власти и региональными институтами гражданского общества для выработки единых протоколов реагирования на «нарративные атаки»: чтобы в кризисные моменты не возникал интерпретационный вакуум, заполняемый деколонизационными объяснениями. При этом важен принцип: предметом противодействия являются не социальные проблемы как таковые и не их публичное обсуждение, а именно деструктивная «переупаковка» этих проблем в схемы делегитимации государственности. Такой подход позволяет одновременно сохранять пространство легитимной критики и повышать устойчивость общества к идеологическим технологиям, ориентированным на радикализацию и политическое размежевание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бредихин А. Л., Парфёнов Н. П. «Имперский» федерализм в российской системе государственного управления // Право и государство: теория и практика. 2022. № 7. С. 14–17. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_7_14
2. Аникин Д. А., Туркин И. А. Постколониализм: между научной теорией и инструментом «культуры отмены» // Дискурс-Пи. 2025. № 1. С. 29–42. DOI: 10.17506/18179568_2025_22_1_29
3. Гапуров Ш. А., Бугаев А. М., Черноус В. В. К 150-летию окончания Кавказской войны: о хронологии, причинах и содержании // Научная мысль Кавказа. 2014. № 4. С. 7–18.
4. Овчинский А. С., Борзунов К. К., Журавленко Н. И. Информационные войны против России в электронной образовательной среде // Human Progress. 2024. № 11. С. 32. DOI: 10.46320/2073-4506-2024-11a-1
5. Круглый стол «Возможна ли «колонизация» пространства?» / В. Н. Бочарников, А. Н. Демьяненко, А. А. Киреев, Я. А. Барбенко, В. Н. Караман // Известия Восточного института. 2020. № 3. С. 128–146.
6. Голубкина С. Е. О некоторых тенденциях развития постколониальных исследований // Вестник Мининского университета. 2016. № 1–2. С. 20.
7. Прилепский П. А., Буров А. С. Технологии внешнего влияния на политику Российской Федерации в контексте специальной военной операции на Украине // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2023. № 2 С. 28–48. DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2023-2-126-140
8. Демешко Н. Э. Политические технологии формирования альтернативной России: «Форум свободных народов/государств пост-России» как инструмент ослабления государственности и фрагментации РФ // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Серия: Философия Политология Культурология. 2025. № 2 С. 117–133. DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-2-117-133

9. Харунов Р. Ш., Харунова М. М.-Б. Специфика исторического развития России // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. № 4. С. 104–114. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-4-104-114
10. «Деколонизация» и «деимпериализация»: современная политика Запада в отношении фрагментации России / Н. Э. Демешко, Г. Л. Мурадов, А. А. Ирхин, О. А. Москаленко // Регионоведение. 2024. Т. 32. № 1. С. 10–30. DOI: 10.15507/2413-1407.126.032.202401.010-030
11. Димитрова Ю. Б. Отношения между центром и регионами в России: проблема эффективности // Власть. 2010. № 5. С. 89–92.
12. Исакиева З. С. Из истории насильственного выселения чеченцев и ингушей: к 80-летию депортации (1944–2024 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2024. № 4. С. 116–121. DOI: 10.24158.fik.2024.4.16
13. Шумилов М. М., Гуркин А. Б. Предпосылки, международный контекст и особенности опосредованной войны НАТО против России на Украине (2022–2023) // Управленческое консультирование. 2023. № 7. С. 128–141. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-7-10-27

REFERENCES

1. Bredikhin A. L. & Parfenov, N. P. (2022). "Imperial" federalism in the Russian system of public administration. In: *Law and state: theory and practice*, 7, 14–17. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_7_14 (in Russ.).
2. Anikin, D. A. & Turkin, I. A. (2025). Postcolonialism: between scientific theory and the instrument of "cancel culture". In: *Discourse-Pi*, 1, 29–42. DOI: 10.17506/18179568_2025_22_1_29 (in Russ.).
3. Gapurov, Sh. A., Bugaev, A. M. & Chernous, V. V. (2014). On the 150th anniversary of the end of the Caucasian War: on chronology, causes and content. In: *Scientific thought of the Caucasus*, 4, 7–18 (in Russ.).
4. Ovchinsky, A. S., Borzunov, K. K. & Zhuravlenko, N. I. (2024). Information wars against Russia in the electronic educational environment. In: *Human Progress*, 11, 32. DOI: 10.46320/2073-4506-2024-11a-1 (in Russ.).
5. Bocharnikov, V. N., Demyanenko, A. N., Kireev, A. A., Barbenko, Y. A. & Karaman, V. N. (2020). Round table "Is it possible to "colonize" space?". In: *News of the Eastern Institute*, 3, 128–146 (in Russ.).
6. Golubkina, S. E. (2016). On some trends in the development of postcolonial research. In: *Bulletin of Mininsky University*, 1–2, 20 (in Russ.).
7. Prilepsky, P. A. & Burov, A. S. (2023). Technologies of external influence on the policy of the Russian Federation in the context of a special military operation in Ukraine. In: *Bulletin of Moscow University. Series 21: Governance (State and Society)*, 2, 28–48. DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2023-2-126-140 (in Russ.).
8. Demeshko, N. E. (2025). Political technologies for the formation of an alternative Russia: "Forum of Free Peoples/States of Post-Russia" as an instrument for weakening the statehood and fragmentation of the Russian Federation. In: *Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University Series: Philosophy Political Science Cultural Studies*, 2, 117–133. DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-2-117-133 (in Russ.).
9. Harunov, R. Sh. & Harunova, M. M.-B. (2019). Specificity of the historical development of Russia. In: *Izvestia Laboratory of Ancient Technologies*, 4, 104–114. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-4-104-114 (in Russ.).
10. Demeshko, N. E., Muradov, G. L., Irkhin, A. A. & Moskalenko, O. A. (2024). "Decolonization" and "de-imperialization": modern Western policy regarding the fragmentation of Russia. In: *Regionology*, 32-1, 10–30. DOI: 10.15507/2413-1407.126.032.202401.010-030 (in Russ.).
11. Dimitrova, Yu. B. (2010). Relations between the center and regions in Russia: the problem of efficiency. In: *Power*, 5, 89–92 (in Russ.).
12. Isakieva, Z. S. (2024). From the history of the forced eviction of Chechens and Ingush: to the 80th anniversary of deportation (1944–2024). In: *Society: philosophy, history, culture*, 4, 116–121. DOI: 10.24158.fik.2024.4.16 (in Russ.).
13. Shumilov, M. M. & Gurkin, A. B. (2023). Prerequisites, international context and features of the indirect war of NATO against Russia in Ukraine (2022–2023). In: *Management consulting*, 7, 128–141. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-7-10-27 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Атаев Артур Викторович (г. Москва) – кандидат политических наук, доцент кафедры общегуманитарных дисциплин Московского государственного института культуры; руководитель Центра этнорелигиозных исследований Института «Царьград»;
e-mail: arturataev@gmail.com, ORCID: 0009-0006-1759-2681

Фролов Егор Русланович (г. Москва) – магистрант кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации (РАНХиГС); заместитель руководителя Центра этнорелигиозных исследований Института «Царьград»;
e-mail: er.frolov@tsargrad.institute, ORCID: 0009-0003-7793-1540

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ataev Artur Viktorovich (Moscow) – Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Department of General Humanitarian Disciplines, Moscow State Institute of Culture; Departmentally Head, Center for Ethnoreligious Research, Institute «Tsargrad»;
e-mail: arturataev@gmail.com; ORCID: 0009-0006-1759-2681

Frolov Egor Ruslanovich (Moscow) – Postgraduate student, Department of Political Science and Political Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA); Deputy Head, Center for Ethnoreligious Research of the autonomous non-profit organization, Institute «Tsargrad»;
e-mail: er.frolov@tsargrad.institute; ORCID: 0009-0003-7793-1540